Этот мужчина - Хун Юань, Цзин Вань въезжает в столицу

В просторном кабинете царил живописный беспорядок. Всевозможные редкости и просто изящные безделушки были свалены в кучу. На столе лежал простой на вид, но на самом деле изготовленный известным мастером дорогой цинь. Стоящая рядом с музыкальным инструментом курильница источала сладкий аромат благовоний — легкий и ненавязчивый, но очень приятный. На кушетке лежали две книги. Обложка одной из них была выставлена на всеобщее обозрение — на ней значилось: "Поэзия всех цветов" [1].

Если приглядеться поближе к полкам [2], тамошние сокровища любого заставили бы задохнуться от удивления. Каждый из этих предметов можно было назвать бесподобным. Каждый из них был изысканным и не имел себе равных. Даже самая неприметная вещица стоила немыслимых денег.

Но самым привлекательным в этом кабинете были не выставленные на книжной полке редкие книги, существующие в единственном экземпляре, не знаменитые живописные полотна и каллиграфия, украшающие стены, а мужчина, что-то прилежно пишущий за широким столом из красного сандалового дерева, — шестой сын императора, Цзинь циньван, Ли Хун Юань.

Черная парча его одежды была отделана темной вышивкой, но воротник и манжеты полыхали ярким и дерзким кроваво-красным. Цветовое сочетание черного и красного выглядело довольно странно и даже слегка неприятно резало глаза, но это необычно красивое лицо было подобно восхитительному шедевру, высеченному самым талантливым скульптором. Его чистые и холодные черты выглядели идеальными, но пара божественных глаз с черными, как ночь, зрачками придавала ему несколько угрюмый и недоступный вид.

Внезапно в дверь осторожно постучали.

— Входи, — при звуке этого бесстрастного голоса, пронизанного равнодушным холодом, никто не посмел бы поднять лишнего шума.

В кабинет тихо, затаив дыхание, вошел мужчина в черном. Преклонив колено, он почтительно заговорил:

— Господин, барышня Ло прибыла в столицу.

До этого размеренно пишущая рука, застыла. Примерно дюжину вздохов, в течение которых она оставалась замершей в воздухе, стояла тишина. За это время кисть, которую только что окунули в чернила, уронила кляксу, тут же некрасиво расплывшуюся по бумаге. Почти законченное письмо оказалось испорчено.

Ли Хун Юань отложил кисть и медленно поднял руку. Накрыв ей свое сердце, он почувствовал, как оно бешено колотится. Это сердце всегда билось размеренно. Неважно, как складывалась ситуация или какой человек находился рядом, оно никогда не ускорялось и не замедлялось.

Лишь когда он слышал новости о ней, оно начинало неистово биться, выходя из-под контроля. Но и в этот раз не собирался его контролировать, он вовсе не желал этого. Сердцебиение было настолько стремительным, что даже причиняло острую боль. Не в силах терпеть это, он опустил голову и с его губ слетел одновременно болезненный и радостный стон.

Это чувство было не самым приятным, но он все равно наслаждался им.

Стоящий на коленях мужчина еще ниже опустил голову. Он задержал дыхание, не смея перевести дух. Слуга не первый день служил своему господину. В такой момент ни в коем случае нельзя издавать ни звука, а не то... от одной мысли о возможных последствиях вся кровь леденела в жилах. Он уже был готов упасть замертво, но услышал голос:

— Где она?

Похоже, господин пришел в себя?

— Примерно через час они доберутся до резиденции Ло.

— Приготовь экипаж.

— Слушаюсь, — почтительно ответил слуга, а затем встал и вышел из комнаты.

Лишь оказавшись за дверью, он утратил свое спокойствие и стал выглядеть несколько смущенным. Стоящий неподалеку евнух Му с жалостью посмотрел на лучшего теневого стража их господина. Лишь когда дело касается этой барышни Ло, тот проявляет истинные эмоции. Взаимодействуя с остальными, он надевает маску притворства. По идее, в те моменты, когда в их господине просыпается капелька человеческого тепла, с ним должно быть легче иметь дело. Однако на самом деле все наоборот. Зачастую именно в такие минуты он самый странный, самый ужасный и самый пугающий.

— Господину требуется экипаж, — теневой страж в черном взял себя в руки.

Евнух Му кивнул и ушел отдать необходимые распоряжения.

Поскольку все господа из Циань Фу [3], что в Гун Юане, прибыли в столицу одновременно, они привезли с собой множество вещей. Длинная процессия повозок, которую невозможно было разом окинуть взглядом, привлекала к себе взгляды прохожих. Зеваки обсуждали, какому чиновнику или благородной семье они принадлежат.

— Барышня, столица и в самом деле такая оживленная и красивая, как нам рассказывали, — взволнованно воскликнула молодая девушка в одежде прислуги. Она приподняла уголок занавеса и украдкой выглядывала наружу.

Из-за ее спины протянулась рука и шлепнула девушку по тыльной стороне ладони. Следующие слова крайне напоминали выговор и были очень холодны:

— Цин Цзюй, мы уже в столице, ты не должна вести себя так, как в Циань Фу. Как ты можешь быть такой импульсивной? Если кто-нибудь это увидит, то сочтет, что наша барышня не обладает манерами или семья Ло недостаточно хороша. Ты подумала о последствиях?

Цин Цзюй погладила руку, которая покраснела от удара, и немного обиженно ответила:

— Чжу цзэцзэ, я больше не посмею это сделать.

И наоборот, девушка, откинувшаяся на большую подушку, которую звали Ло Цзин Вань, услышав их слова, открыла свои красивые глаза и просто рассмеялась. Она не была какой-то несравненной красавицей. Хотя ее кожа и выглядела на зависть остальным светлой и безупречной, но цвет лица был несколько болезненным. Сейчас она была очень бледна, а еще казалась слишком худой. Это неизбежно сказывалось на ее внешности. Словно успокаивая ребенка, она погладила Цин Цзюй по голове:

— Не нужно спешить. Боюсь, что мы навсегда останемся в столице. У тебя будет время, чтобы хорошенько все рассмотреть.

— Барышня! — Цин Цзюй смущенно посмотрела на свою хозяйку. Она определенно была на год моложе ее самой. Но в присутствии барышни — так уж получалось — она всегда напоминала себе несмышленого ребенка. Да и дразнили ее именно как несмышленыша.

Цзин Вань рассмеялась, но, подумав, где сейчас находится, поспешно достала платок и прикрыла рот, вот только в ее глазах все еще было заметно веселье.

Цин Чжу наблюдала за ними, опустив руки. Этот непоседливый нрав у Цин Цзюй как раз появился благодаря барышне. Лаофужэнь их семьи балует девушку, словно она кровинка ее сердца, поэтому ее момо не может даже лишнего слова ей сказать. У барышни характер был добрый, мягкий и заботливый, и даже несколько откровенный, что редко встретишь у молодых девушек из хороших семей. Когда они жили в Циань Фу, она нравилась многим фужэнь других семей. Но к сожалению, их сыновья и внуки не пришлись по вкусу лаофужэнь их семьи. Поэтому в этот раз они едут в столицу отчасти для того, чтобы выдать барышню замуж.

Вскоре улыбка исчезла с лица Цзин Вань. У нее вновь сильно закружилась голова от движений кареты, и ее состояние заставило остальных растеряться.

Цинь Чжу поспешно достала из ящичка кислую сливу и протянула ее Цзин Вань:

— Барышня, потерпите еще чуть-чуть. Мы уже почти приехали.

Цзин Вань положила сливу в рот и попыталась успокоить своих служанок:

— Все хорошо.

После этого она закрыла глаза и уснула.

Две служанки с болью в душе наблюдали за ней. Барышня всегда была очень здоровой. Няня говорила, что в детстве их хозяйка никогда не болела. Как неожиданно, что долгая поездка вызвала такое сильное недомогание. В первые десять дней девушку так тошнило, что она чуть с внутренностями не распрощалась. Все тело барышни потихоньку истончалось, ее состояние пугало их до смерти. Так что путешествие сильно затянулось в итоге. Когда они пересели на корабль, Цзин Вань стало чуть лучше. Но последний отрезок пути в столицу следовало проделать в экипаже, поэтому ей снова поплохело.

Шум снаружи потихоньку стих. Должно быть, они почти на месте. Как и ожидалось, вскоре экипаж остановился. Снаружи послышался голос момо Цзин Вань:

— Барышня, мы приехали.

Занавес кареты подняли. Снаружи их ждали ее кормилица, момо и еще две девушки-служанки, Цин Мэй и Цин Лань. Именно эти шестеро в дороге по очереди прислуживали Цзин Вань.

Цзин Вань, которой помогли спуститься, ступила на твердую землю и вздохнула с облегчением. Наконец-то ее страдания закончились. Она похлопала себя по груди.

— Вань Вань, быстрее иди сюда, дай бабушке на тебя посмотреть, — сердечно помахала ей Ло лаофужэнь, при этом проигнорировав толпу стоящих перед ней сыновей со своими женами и внуками.

В результате все эти люди, которые приготовились поклониться ей, чтобы отдать дань уважения, не смогли продолжить ритуал. Вышло очень неловко.

Цзин Вань поспешно подошла к Ло лаофужэнь и взяла ее за руку:

— Бабушка.

— Только посмотрите, какое бледное личико. Ты совсем плохо себя чувствуешь? — Ло лаофужэнь коснулась ее лица.

— Бабушка, не волнуйтесь, ваша внучка в полном порядке. Разве мы уже не приехали домой? Немного отдохну и обязательно стану такой же белой и пухленькой, как и раньше, — улыбнулась Цзин Вань.

— Действительно, тебе нужно хорошенько отдохнуть, — она повернулась к своей старшей снохе. — Отправь ласточкино гнездо и другие полезные для здоровья продукты Вань Вань. Бедное дитя настрадалось за время пути.

— Да, не беспокойтесь, матушка. Мы уже получили известие, что третья барышня сильно болела в дороге, поэтому все давно готово, — почтительно ответила Ван-Ши, бросив теплый и любящий взгляд на Цзин Вань.

— Да, я знаю, что могу на тебя положиться, — кивнув, тихо ответила лаофужэнь.

[1] "Поэзия всех цветов" — книга из тридцати свитков с описанием овощей, фруктов, лекарственных растений, чая, цветов и т.д.

[2] Полка с сокровищами:

[3] Циань Фу — префектурный город; слово "Фу" в данном случае это сокращение от "Фу Чэн", что означает местный город в префектуре, в котором находится офис магистрата.

http://tl.rulate.ru/book/19909/752179